

СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРБИТРАЖНЫХ КОМИССИЙ В РСФСР

Аннотация. В статье рассматриваются причины создания государственных арбитражных комиссий, правовые основы их организации и деятельности. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики сформулированы выводы о правовой природе арбитража в начальный период новой экономической политики. Арбитражные комиссии рассматриваются как органы, имевшие сложную природу, отражающую в себе одновременно судебные и административные функции.

Ключевые слова: арбитраж, арбитражные комиссии, суд, судебная система, хозяйственный спор, экономическое правосудие

Введение

Современная наука признает существование закономерности, согласно которой развитие гражданского оборота детерминирует потребность в создании адекватных механизмов (организационная структура, процессуальные правила и др.) разрешения экономических споров, неизбежно возникающих в условиях рыночной экономики. В таких ситуациях имеет место формирование спроса на эффективную юрисдикцию, которая в свою очередь становится одним из факторов экономического развития. Допуская определенную редуциацию имеющихся в науке результатов исследований, можно сказать, что в разные периоды развития тех или иных государств от экономической юрисдикции ожидали оперативного разрешения, столь важного для предпринимательской деятельности, для чего состав юрисдикционного органа традиционно формировался с участием лиц, имеющих представление об особенностях деловой жизни.

В данной статье предполагается оценить действие указанной закономерности в период перехода к новой экономической политике (далее – НЭП) в начале 1920-х гг. Представляется, что тема осмысления теоретических и историко-правовых аспектов механизма разрешения экономических споров в юридической науке еще себя не исчерпала, а актуальность обращения к указанным вопросам обусловлена продолжающимся поиском его оптимальной модели, причем в настоящее время наметилось колебание общественного мнения в сторону отказа от специализированных судов по разрешению экономических споров. Отдельного внимания заслуживает выбранный хронологический отрезок. Его отличительная черта состояла в том, что поиск оптимальной модели отечественного правосудия шел по сценарию «развитие мысли в связи с действием». При таком подходе еще не был исчерпан потенциал критического метода и усилия были направлены не только на разоблачение несовершенства окружающего мира, конкретно – построение справедливого

---

* *Захаров Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор*
zaharov.72@mail.ru

суда, но и переживание своего собственного несовершенства, тем более, что практики реформирования первого советского десятилетия не склонны были консервировать настоящее и допускали уточнения под воздействием внешних событий или в результате дискуссий.

Обращение к историческому опыту полезно в виду того, что в силу условности границы между прошлым и настоящим, познание современных процессов неполноценно без тщательного историко-правового анализа явлений¹. В данной работе предметом исследования являются исключительно государственные арбитражные комиссии, в силу чего не рассматриваются правовые основы организации и деятельности ведомственных и биржевых арбитражных комиссий, к которым, как правило, относят арбитражи, функционировавшие с 1920-х гг. при некоторых народных комиссариатах, других ведомствах (для разрешения имущественных споров между предприятиями и учреждениями одного ведомства) и биржах (для разрешения споров, возникавших из торговых операций на бирже²).

Причины создания арбитражных комиссий

Приход к власти большевиков сопровождался резким изменением в регулировании имущественных отношений, вектор которого носил ярко выраженный классовый характер и направлялся на ограничение сферы частной собственности, формирование института социалистической собственности на орудия и средства производства, вследствие чего к середине 1918 г. государство стало собственником земли, банков, железных дорог, всех крупных предприятий, а также строений в городах с населением свыше 10 тыс. чел. Параллельно проводилась национализация торгового флота и была установлена монополия государства в области внешней торговли. Достаточно широкое распространение получил институт государственной монополии на определенные виды имущества. Все это имело своим следствием свертывание гражданского оборота и, следовательно, вытекавших из него споров. К этому времени правительство декретами о суде ликвидировало коммерческие и торговые суды, рассматривавшие экономические споры, и ввело, по сути, административный порядок разрешения хозяйственных споров между «казенными учреждениями»³, остальные, передав в ведение народных судов.

---

¹ Уместно вспомнить нестареющий гегелевский афоризм о Сове Минервы, который указывает, что понимание уроков истории, как правило, приходит лишь в сумерках старости, когда уже поздно, и нет сил что-либо менять в своей судьбе.

² См., например: Шехтер Б. О биржевых арбитражных комиссиях // Еженедельник советской юстиции (далее – ЕСЮ). 1922. № 42. С. 967-968; Петухов Н. Биржевой арбитраж // ЕСЮ. 1922. № 49. С. 1131-1132.

³ См.: Декрет о суде 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 124-125; Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1918. № 26. Ст. 420.

Активизация гражданской войны и переход к политике военного коммунизма сопровождались дальнейшим ограничением товарно-денежных отношений, что осуществлялось через национализацию предприятий средней промышленности и торговли, усиление контроля за деятельностью мелкой промышленности⁴, перевод предприятий на сметно-бюджетное содержание в силу чего они не имели собственных оборотных средств, не могли самостоятельно решать вопросы снабжения сырьем и оборудованием, вступать в договорные отношения с другими предприятиями⁵. Возникавшие между предприятиями и организациями разногласия решались в порядке подчиненности. В итоге устранялась имущественная обособленность и хозяйственная самостоятельность предприятий. В целях обеспечения населения городов продовольствием был установлен натуральный налог на сельских хозяев, обладающих излишком продуктов потребления, в виде отчисления государству части продуктов. Продовольствие по разверстке оплачивалась крестьянам по твердым ценам деньгами, не имеющими в то время никакой ценности. Наконец, проводились меры по сокращению сферы денежного обращения, связанные с отменой платы за хозяйственные услуги, оказываемые одними предприятиями и организациями другим, за отдельные виды продукции⁶.

Понятно, что такая экономическая модель повлекла за собой создание органов управления, осуществляющих главным образом централизованное распределение материальных благ между предприятиями, организациями, а также населением. Организация народного хозяйства и государственных финансов была возложена на Высший совет народного хозяйства РСФСР (далее – ВСНХ), действовавший с декабря 1917 г.⁷ Одновременно в условиях гражданской войны создавались и функционировали чрезвычайные структуры, в том числе причастные к управлению экономикой. Так, 30 ноября 1918 г. был создан Совет Рабоче-Крестьянской Обороны – главный военно-хозяйственный центр РСФСР (далее – СТКО), состоявший из шести должностных лиц и обладавший всей полнотой власти в деле мобилизации сил и средств на военные нужды. Для всех ведомств, учреждений и граждан постановления СТКО были обязательны⁸. С начала 1920 г. в связи с

---

⁴ См., например: Декрет СНК от 21 ноября 1918 г. «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» // СУ РСФСР. 1918. № 83. Ст. 879.

⁵ См.: Декрет СНК от 4 марта 1919 г. «О финансировании государственных предприятий» // СУ РСФСР. 1919. № 17. Ст. 45.

⁶ См., например: Устав железных дорог, утвержденный декретом СНК от 16 августа 1920 г.

⁷ См.: Декрет ВЦИК и СНК от 5 декабря 1917 года «О Высшем Совете Народного Хозяйства» // СУ РСФСР. 1917. № 5. Ст. 83; Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийском съездом советов 10.07.1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582. Ст. 43.

⁸ См.: Постановление ВЦИК и СНК от 30.11.1918 г. «Об образовании Совета рабочей и крестьянской обороны» // СУ РСФСР. 1918. № 91-92. Ст. 924.

улучшением военной обстановки в стране на первый план выдвинулись вопросы восстановления экономики и перевода ее на мирные рельсы, что соответственно отразилось в названии СРКО: 7 апреля 1920 г. он был переименован в Совет Обороны и Труда, а 14 апреля – в Совет Труда и Обороны (далее – СТО). VIII Всероссийский съезд Советов, работавший 22–29 декабря 1920 г., мотивируя тем, что надобность в сохранении особых полномочий за СТО отпала, трансформировал его в комиссию Совета Народных Комиссаров (далее – СНК)⁹. Следует заметить, что это не повлекло изменения положения СТО в структуре государственного аппарата: он продолжал осуществлять координацию деятельности ведомств в области обороны страны и хозяйственного строительства, имел право издавать обязательные постановления, распоряжения, инструкции.

Окончание гражданской войны, переход к мирной жизни и выдвигание на первый план задач восстановления разрушенного хозяйства, создание промышленности и развития сельского хозяйства, а в целом – создания материально-технической и социально-культурной основы для построения социализма, обещанного народу большевиками, потребовало изменения политики военного коммунизма, поскольку было очевидно (хотя бы по нарастающему сопротивлению населения), что мобилизационные методы в новых условиях не будут работать.

VIII Всероссийский съезд Советов провозгласил новую экономическую политику, суть которой состояла в допущении в экономике рыночных отношений, посредством чего планировалось снять социальную напряженность, преодолеть кризис и восстановить хозяйство, обеспечить благоприятные условия для построения социалистического общества, наконец, выйти из международной изоляции. Подробный разбор содержания НЭПа не входит в задачи работы, в связи с этим остановимся на ключевых моментах, которые отражают своеобразие экономических отношений этого периода, когда государству пришлось искать оптимальное соотношение между стремлением сохранить за собой командные высоты в народном хозяйстве и необходимостью создания условий для реализации частной инициативы, что неизбежно должно было повлечь формирование капиталистического уклада в экономике.

В этом следует искать объяснение того, что частный сектор возник в первую очередь в сельском хозяйстве и торговле. Так, 21 марта 1921 г. ВЦИК декретом «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» признал необходимым в целях укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также точного установления падающих на земледельцев государственных обязанностей ввести натуральный налог¹⁰. С лета 1921 г. был установлен разрешительный порядок

---

⁹ Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стеногр. отчет (22–29 дек. 1920 г.). М., 1921. С. 126.

¹⁰ См.: Декрет ВЦИК от 21.03.1921 «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» // СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 147.

открытия торговых заведений. Постепенно отменялись государственные монополии на различные виды продукции и товаров. Началась передача в частные руки мелких и кустарных предприятий, для них был введен упрощенный порядок регистрации и пересмотрены в сторону увеличения допустимые размеры использования наемного труда. Заметим, что государство ввело гарантии для частной собственности. Так, 22 мая 1922 г. ВЦИК издал декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР»¹¹. Основные принципы политики советского государства в сфере хозяйственных и иных имущественных отношений были закреплены в Гражданском кодексе РСФСР, принятом 31 декабря 1922 г.¹²

В меньшем объеме частный капитал был представлен в промышленном секторе, хотя и здесь прослеживались существенные изменения. Для целей исследования нам важно обратить внимание, на появление хозяйственного расчета, при котором предприятие, сдав обязательные фиксированные взносы в государственный бюджет, получало право распоряжаться доходами от продажи продукции и отвечало за результаты своей хозяйственной деятельности. Ускоренными темпами распространялись тресты, или объединения однородных или взаимосвязанных между собой предприятий, получившие полную хозяйственную и финансовую независимость¹³. Предприятия, входившие в трест, снимались с государственного снабжения и переходили к самостоятельным закупкам ресурсов на рынке. Законом предусматривалось, что «государственная казна за долги трестов не отвечает»¹⁴. Стали возникать синдикаты, представлявшие собой добровольные объединения трестов на началах кооперации, занимавшиеся сбытом, снабжением, кредитованием, внешнеторговыми операциями. Реализация готовой продукции, закупка сырья, материалов, оборудования производилась на рынке, по каналам оптовой торговли. Возникла широкая сеть товарных бирж, ярмарок, торговых предприятий. С созданием Государственного банка РСФСР началось возрождение кредитной системы, начавшей кредитование промышленности, сельского хозяйства и торговли на коммерческой основе.

В итоге сформировалась смешанная экономика: в промышленности ключевые позиции занимали государственные тресты, в торговле – частный капитал; в кредитно-финансовой сфере – государственные и кооперативные

---

¹¹ См.: Декрет ВЦИК от 22.05.1922 «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 423.

¹² См.: СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 37.

¹³ См.: Декрет ВЦИК и СНК от 10.04.1923 «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)» // СУ РСФСР. 1923. № 29. Ст. 336; Уже к концу 1922 г. около 90% промышленных предприятий были объединены в 421 трест, причем 40% из них было централизованного, а 60 % – местного подчинения (См.: ЕСЮ. 1923. № 17. С. 393-394; № 21. С. 480-481).

¹⁴ Там же.

банки, в сельском хозяйстве – мелкие крестьянские хозяйства, охваченные простейшими видами кооперации. Рассмотренные трансформации потребовали корректировки экономических функций государства, методов экономической политики, которые должны были сочетать государственное регулирование с использованием рыночных механизмов. А это в свою очередь предполагало трансформацию организационной основы управления экономикой, вектором которой должно было стать сочетание функционального подхода, обеспечивавшего регулирование отношений на основе учета интересов субъектов, и отраслевого, использовавшего директивный метод воздействия на субъектов на началах централизма. Центральным органом управления народным хозяйством оставался ВСНХ. В середине 1922 г. производственное и техническое руководство отраслями промышленности было сосредоточено в Центральном производственном управлении, а экономическое – в Экономическом управлении; руководство торговлей – в Управлении регулирования торговлей. Наряду с указанными структурами сохранились отдельные главные управления¹⁵. Местными органами ВСНХ были губернские совнархозы и промбюро. ВСНХ приходилось взаимодействовать с синдикатами, которые фактически контролировали тресты и предприятия, поскольку сосредоточили в своих руках их снабжение сырьем, материалами, а также сбыт продукции. Демаркацию пытались провести следующим образом: главкам отводилась административная власть; синдикатам – экономическая.

Сохранил свое значение СТО, который в рассматриваемый период координировал деятельность значительной части наркоматов РСФСР путем подготовки единых народнохозяйственных планов и координации работы по их выполнению. Он тоже имел свои местные органы – экономические совещания при исполнительных комитетах губернских и уездных Советов депутатов, на которые возлагалась функции по согласованию, регулированию и руководству экономикой на территории¹⁶. Экономические совещания должны были обеспечивать на местах проведение согласованной экономической политики, в связи с чем, координировали деятельность местных хозяйственных органов и учреждений¹⁷. К 1923 г. выстроилась система экономических совещаний, которая включала областные, губернские, уездные и волостные уровни.

---

¹⁵ Это были главные управления по: по металлической промышленности (Главметалл), по горной (Главгорпром), по электротехнической (Главэлектро), по топливной (ГУТ), по военной (Главвоенпром), по делам кустарной, мелкой промышленности и промысловой кооперации (Главкустпром), по государственному строительству (ГУГС), земледельческих хозяйств промышленных предприятий республики (Главземхоз).

¹⁶ См.: Постановление ВЦИК от 30.06.1921 «Положение об областных, губернских, уездных, районных, фабрично-заводских, волостных и сельских экономсовещаниях СТО» // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1957. С. 185.

¹⁷ См. подробнее: Постановление ВЦИК от 30.06.1921 «О местных экосо, их отчетности и руководстве наказом СНК и СТО» // Там же. С. 188, 243-254.

Новая экономическая модель не была идеальной и не обеспечивала бесконфликтное сосуществование предприятий и учреждений, занятых в гражданском обороте. Появление новых его участников, имевших различные права, полномочия и существовавшие в различных формах собственности привело к возникновению споров между ними, в том числе, между государственными предприятиями и учреждениями. Исследования показывают, что хозяйственный расчет не всегда соблюдался, система договорных отношений была недостаточно развита, а договорной дисциплине не придавалось должного значения¹⁸. К тому же в годы НЭПа стали проявляться черты административного рынка с характерной конкуренцией в форме борьбы ведомств за ресурсы, фонды, политическое влияние, рабочую силу, что затрудняло как плановые расчеты, так и их реализацию. Противоречия отражали стремления участников хозяйственных отношений повысить эффективность производства, достичь наиболее высоких экономических показателей хозяйственной деятельности при наименьших материальных затратах. Как следствие, появление экономических споров между хозяйствующими субъектами, даже между предприятиями одного ведомственного подчинения, что порождало потребность в оперативном разрешении споров, а это не входило в функции органов государственного управления, которые не имели возможности быстро и квалифицировано рассматривать споры, связанные с заключением и нарушением множества хозяйственных договоров¹⁹.

Оптимальным выходом в этих условиях могло стать отделение функции разрешения хозяйственных споров от функции управления экономикой. Выбор в пользу такого решения сразу актуализировал вопрос о формах (судебной или административной) разрешения этих споров. Как свидетельствуют современники, ключевым оказался вопрос о допустимости их разбора в судебном порядке²⁰, тем более, что в указанный период активно обсуждалась идея «единого суда», которая предполагала в том числе концентрацию разрешения всех споров в народных судах. Дело в том, что в руководстве преобладало мнение, согласно которому государственные предприятия и учреждения не являлись собственниками того имущества, по поводу которого они вели спор, оно находилось у них в управлении, а собственником выступало государство. Следовательно, предприятия и учреждения при любой степени их имущественной самостоятельности лишь управляли частью имущества государства. Отсюда и вывод, что взаимные претензии и споры могли разрешаться «внутренним» порядком, «хозяйским

---

¹⁸ См., например: Воронин Д.В. Развитие института государственного арбитража и его влияние на советскую экономику: союзно-республиканский и региональные аспекты: дисс. докт. ист. наук. Кемерово, 2016. С. 69-70; Побирченко И.Г. Хозяйственные споры и формы их разрешения: автореф. дисс. докт. юрид. наук. Харьков, 1971. С. 11, 14; Экономическое правосудие. Россия, Вятка, Киров. Киров, 2012. С. 56.

¹⁹ Абова Т.Е., Тадевосян В.С. Разрешение хозяйственных споров. М., 1968. С. 11-12; Воронин Д.В. Указ. соч.

²⁰ См.: Прущицкий С. Об арбитражных комиссиях при СТО // ЕСЮ. 1922. № 35. С. 1.

усмотрением и хозяйским распоряжением», которое основывается в первую очередь на «целесообразном плановом ведении своего хозяйства в целом»²¹. Отсюда вытекало и само решение, что в структуре органов управления экономикой необходимо выделить специальные органы для урегулирования всех противоречий, возникавших во взаимоотношениях предприятий и учреждений.

Надо сказать, что такой подход в целом соответствовал практике изучаемого периода. Вполне приемлемым являлось создание ведомственных структур по разрешению правовых конфликтов между подведомственными организациями, что давало некоторым специалистам повод говорить об отступлении от концепции «единого суда»²². Работа экономических совещаний тоже строилась по принципу выделения функциональных подразделений, в основном в форме комиссий или секций, которые обеспечивали решение актуальных проблем. Например, создание комиссий по торговле было обусловлено возрождением товарно-денежных отношений и активизацией торговли, что потребовало осуществлять ценовую политику и анализировать потребности региональных рынков. Увеличение объема промышленного производства требовали развития транспорта, и, прежде всего, железнодорожного, что потребовало координации усилий по указанному направлению, что обеспечивали железнодорожные секции²³.

Исходя из этого, как только получили распространение споры между государственными предприятиями и учреждениями как участниками гражданского оборота, сразу актуализировался вопрос о необходимости поиска эффективного способа их разрешения. А с учетом доминировавших представлений пошли по пути создания специальных структур, каковыми и стали государственные арбитражные комиссии. Заместитель наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко объяснял цель их создания исключительно стремлением разгрузить органы государственного управления от разрешения огромного количества имущественных споров и разногласий между предприятиями и организациями. СТО при этом оставлял за собой право изменять и исправлять постановление арбитража²⁴. Следует особо обратить внимание на последнюю мысль в замечании Н.В. Крыленко. Она отражает

---

²¹ Там же.

²² См.: Лисицын А. Суд и арбитражные комиссии // ЕСЮ. 1923. № 12. С. 265. НКЮ, реализуя политику единого суда, вело борьбу с попытками создания специальных судов. Так, в силу этого противостояния не нашла воплощения на практике идея трудовых судов, активно защищаемая ВЦСПС и Народным комиссариатом труда. Противодействие было настолько велико, что даже первоначально в некоторых губерниях было приостановлено создание особых сессий народного суда по трудовым спорам. НКЮ считал нецелесообразным существование арбитражных комиссий, хотя при этом мирился с земельными комиссиями Народного комиссариата земледелия.

²³ См.: Уразова С.А. Деятельность экономических совещаний Среднего Поволжья в начальный период нэпа // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 3. С. 23.

²⁴ Крыленко Н. В. В последний раз об арбитражных комиссиях // ЕСЮ. 1923. № 23. С. 529.

реальное стремление руководящих органов, в первую очередь СТО, сохранить за собой контроль за деятельностью предприятий и учреждений на экономическом поле. Таким образом, арбитражные комиссии в момент своего создания рассматривались скорее как средство решения управленческих задач.

Не исключено, что такой подход был максимально адекватен проводимой экономической политике, допускавшей совместное существование государственного и частного сектора экономики. При этом важно было удержать господствующее положение государства в экономике и выработать такой механизм разрешения споров в государственном секторе, который не просто не препятствовал бы, а наоборот, способствовал достижению поставленных народнохозяйственных задач, что было невозможно без межведомственного взаимодействия, обеспечение которого была прямой обязанностью экономических совещаний. Представляется, что именно это имелось в виду, когда в ст. 1 Положения о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями, утвержденного Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1922 г.²⁵ (далее – Положение 1922 г.) , говорилось, что имущественные споры между государственными учреждениями и предприятиями разрешаются арбитражными комиссиями, «поскольку эти споры согласно общим законам не разрешаются внутри ведомства». Данное правило повторили в Правилах о производстве дел в Высшей Арбитражной Комиссии при Совете Труда и Обороне и местных арбитражных комиссиях, утвержденных Постановлением СТО РСФСР от 14 марта 1923 г.²⁶ (далее - Правила 1923 г.): «Ведению арбитражных комиссий подлежат споры об имущественных правах между государственными учреждениями и предприятиями, поскольку таковые споры, согласно общих законов, не разрешаются в административном порядке внутри ведомства».

Возможно, свою роль сыграло и опасение, что народные суды не обеспечат оперативное разрешение быстро увеличивавшихся хозяйственных споров²⁷. Тем более, что они не были знакомы со всеми проблемами экономической деятельности, с вопросами организационного характера, с постоянно меняющимися задачами управления производством и потреблением в масштабе страны. А споры между государственными учреждениями и государственными предприятиями о гражданском праве отличались от аналогичных споров, возникающих между гражданами, и требовали не только правовых знаний, но и знания административно-хозяйственной деятельности. Инициаторы учреждения арбитражных комиссий исходили из того, что споры между государственными предприятиями и учреждениями требуют не столько правового, сколько

---

²⁵ Здесь и далее цитируется по: СУ РСФСР. 1922. № 60. Ст. 769.

²⁶ Здесь и далее цитируется по: СУ РСФСР. 1923. № 25. Ст. 292.

²⁷ Вершинин А. П. Упрощение и ускорение советского гражданского процесса: опыт теории и практики (20-е гг.) // Вестник ЛГУ: Серия 6. Право 1988. Вып. 2. С. 60-65.

«хозяйственного разрешения»²⁸. Доказательства этому можно найти в ст. 13 Положения 1922 г., нормы которой предоставляли арбитражной комиссии право, исходя из общегосударственных интересов, отсрочить или рассрочить исполнение решения, заменить в исключительных случаях предмет исполнения другим предметом или денежным эквивалентом, полностью или частично освободить должника от обязательства или ответственности. Такая широта усмотрения как и раз и была нужна для оперирования соображениями целесообразности.

Структура и состав арбитражных комиссий

Решение о создании арбитражных комиссии рождалось в серьезных межведомственных спорах и нашло правовое оформление в Положении 1922 г. В соответствии с ним предусматривалась двухуровневая система арбитражных комиссий: Высшая арбитражная комиссия при СТО (далее – ВАК) и арбитражные комиссии при областных экономических совещаниях (далее – местные арбитражные комиссии, арбитражные комиссии, комиссии). Достаточно продолжительное время осуществлялся поиск оптимальной структуры местных арбитражных комиссий. В декабре 1922 г. ВАК по согласованию с НКЮ был определен список городов, где предполагалось нахождение арбитражных комиссий и установлена их территориальная подсудность. Любопытно, что данное решение расходилось с предписанием ст. 3 Положения 1922 г., согласно которому арбитражные комиссии предусматривались исключительно при областных экономических совещаниях. ВАК сочла необходимым увеличить их количество, в силу чего список городов, в которых должны были действовать местные арбитражные комиссии, включал 19 позиций (в скобках указаны местности, на которые распространялась юрисдикция местной арбитражной комиссии): 1) Архангельск (Архангельская, губерния, Автономная область Коми); 2) Вятка (Вятская, Вологодская, Северо-Двинская губернии, Вотская, Марийская области); 3) Нижний Новгород (Нижегородская, Костромская, Иваново-Вознесенская губернии); 4) Москва (Московская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская, Тверская, Рыбинская, Ярославская губернии); 5) Самара (Самарская, Симбирская, Пензенская губернии); 6) Саратов (Саратовская, Астраханская, Царицынская губернии, область немцев Поволжья, Калмыцкая автономная область); 7) Воронеж (Воронежская, Тамбовская, Орловская, Курская губернии); 8) Смоленск (Смоленская, Брянская, гомельская, Витебская губернии); 9) Екатеринбург (Уральская область в составе Екатеринбургской, Пермской и Челябинской губерний); 10) Казань (Татарская республика); 11) Минск (Белоруссия); 12) Ново-Николаевск (Сибирская область); 13) Оренбург (Киргизская республика); 14) Петроград (Северо-Западная область в составе Мурманской, Новгородской, Петроградской, Псковской, Череповецкой, Пермской губерний, Трудовой карельской Комуны); 15) Ростов-на-Дону (Юго-Восточная область в составе

²⁸ Лисицын А. Указ. соч. С. 265.

Ставропольской, Терской губерний, Донской, Кубано-Черноморской областей); 16) Симферополь (Крым); 17) Ташкент (Туркестанская республика); 18) Уфа (Башкирская республика); 19) Харьков (Украина)²⁹.

Достаточно быстро дал о себе знать главный недостаток такой организации – удаленность арбитражных комиссий, в силу чего государственным организациям приходилось нести большие расходы на ведение дел, что особенно болезненно воспринималось, когда речь шла о мелких спорах. Эту проблему в отдельных регионах пытались решать путем организации специальных выездных сессий на места, но массового распространения эта практика не получила. Практически сразу губернские экономические совещания и исполкомы стали обращаться с запросами о создании арбитражных комиссий на уровне губерний. В течение 1923 г. дополнительно особыми постановлениями были организованы 27 арбитражных комиссий при губернских экономических совещаниях³⁰. ВАК вынашивала планы ввести повсеместно губернские арбитражные комиссии, которые должны были стать судом первой инстанции и рассматривать споры с ценой иска до 1 тыс. руб. золотом³¹. Областным комиссиям отводилась роль суда первой инстанции по спорам с ценой иска, превышающей 1 тыс. руб., а так же кассационной инстанции в отношении губернских комиссий. Предполагалось, что функции ВАК будут ограничены проверкой актов нижестоящих комиссий либо в кассационном, либо в ревизионном порядке. Надзор за ВАК концентрировался в руках СТО и Прокурора Республики³².

Рациональные начала в этих планах были, поскольку они шли в русле первой советской реформы административно-территориального деления, растянувшейся с 1923 по 1929 г. В ее основе лежал принцип единообразного разделения на крупные однородные экономические районы, а выражением стала замена старых небольших губерний на советские области, которые соответствовали выделенным экономическим районам. Новые области вместо уездов разделялись на более крупные единицы – округа, а последние делились на районы. В качестве низшего звена предусматривались сельские советы. По мере перехода к новому административно-территориальному делению происходило и переформатирование системы правоохранительных и правоприменительных органов, которое шло достаточно сложно, о чем свидетельствует опыт создания первой области – Уральской (3 ноября 1923 г.)³³. Не исключено, что указанная реформа влияла в дальнейшем на видоизменения системы арбитражных комиссий, в которую достаточно часто вводились или исключались районные и губернские комиссии. Например, 15

---

²⁹ См.: ЕСЮ. 1923. № 3. С. 73

³⁰ См.: ЕСЮ. 1924. № 9. С. 209.

³¹ Кстати, обсуждалась даже вероятность внедрения волостного звена арбитражных комиссий (см.: Бранденбургский Я. Арбитражные комиссии // ЕСЮ. 1923. № 16. С. 362).

³² См.: ЕСЮ. 1923. № 23. С. 530.

³³ См., например: ЕСЮ. 1923. № 45. С. 1039-1040; 1045; ЕСЮ. 1923. № 47. С. 1092.

октября 1923 г. ВАК создала Иваново-Вознесенскую губернскую арбитражную комиссию, а потом ликвидировала ее³⁴. Локальный характер таких изменений указывает и на существование иных ситуативных экономических или бюрократических факторов, вызывавших изменения.

Особенности имущественных споров в государственном секторе и декларированные подходы к их рассмотрению обусловили специфические способы комплектования арбитражных комиссий, методы и средства разрешения споров. Задачи, которые были поставлены перед арбитражными комиссиями, требовали от их членов юридических и экономических знаний. Вполне адекватным ответом на такой вызов, апробированный к тому моменту в истории экономической юрисдикции, стало использование принципа коллегиального рассмотрения дела, с привлечением специалистов-хозяйственников, которых отбирали экономические совещания и СТО³⁵. При этом в основе формирования арбитражных комиссий всех уровней лежал бюрократический алгоритм отбора. Так, Высшая Арбитражная Комиссия при СТО функционировала в составе председателя, назначаемого СТО по представлению НКЮ, и двух членов непосредственно назначаемых СТО. В таком же порядке назначались заместитель председателя и заместители членов комиссии. Местные арбитражные комиссии состояли из председателя, назначаемого СТО по представлению наркомата юстиции, и двух членов, назначаемых областными экономическими совещаниями. Правила 1923 г. эту практику легализовали, установив в качестве обязательного требования для судебного присутствия местной арбитражной комиссии, вхождение одного юриста и одного хозяйственника³⁶. На местах реализация указанных норм получала достаточно причудливые варианты. Например, 27 декабря 1922 г. Вятское губернское экономическое совещание утвердило временный состав арбитражной комиссии. Ее председателем стал руководитель вятского губернского революционного трибунала Н.П. Сушков, а членами – сотрудник рабоче-крестьянской инспекции Рычков и член плановой комиссии при Вятском губисполкоме Танаевский³⁷.

Нельзя не отметить различия в порядке формирования арбитражных комиссий и народных судов. Согласно концепции народного суда судья – это

---

³⁴ См.: Воронин Д.В. Указ. соч.

³⁵ Для понимания подходов к определению состава арбитражных комиссий стоит привести мнение Саратовского губернского экономического совещания: «В этих судебных учреждениях для разрешения имущественных споров между госучреждениями и госпредприятиями нужны судьи, знающие хозяйство, умеющие применять их к отдельным случаям, имеющие значительный административно-хозяйственный опыт, знание и надлежащее понимание административных и хозяйственных функций и задач ряда государственных учреждений» (ЕСЮ. 1923. № 16. С. 363).

³⁶ На практике состав коллегии не всегда соответствовал установленным требованиям. Так, сама ВАК четверть своих первых решений вынесла в составе председателя, заместителя председателя и одного хозяйственника (см.: Решения Высшей арбитражной комиссии при СТО. Выпуск 1, С 4 декабря 1922 г. по 1 февраля 1923 г. М., 1923. С. 2-148).

³⁷ См.: Экономическое правосудие: Россия, Вятка, Киров. С. 51.

выборная должность и это обеспечивало наибольшую легитимность и убедительность правосудия.

Подведомственность споров арбитражным комиссиям

Причины и цель создания арбитражных комиссий предопределили особенности их компетенции. Специфика споров между государственными учреждениями и предприятиями вытекала из роли договоров и практики договорной работы, необходимости знания специального нормативного и даже технического материала, связанного с чисто экономическими проблемами – планированием, потребностями определенных отраслей народного хозяйства для реализации планов, соотношением административных и экономических методов управления и т.п.

Создание арбитражных комиссий потребовало отграничить их подведомственность, поскольку все споры из гражданских правоотношений и некоторые административные дела хозяйственного характера рассматривались судами или в административном порядке. Положение 1922 г. предусматривало, что разрешению арбитражными комиссиями подлежат имущественные споры между государственными учреждениями и предприятиями. При этом арбитражным комиссиям были неподведомственны споры, в которых одной из сторон являлись Госбанк или Госстрах, если спор вытекал из уставных операций этих органов. Все вышеназванные гражданско-правовые споры, независимо от субъектного состава, рассматривались общими судами или соответствующими административными органами³⁸.

Анализ приведенных положений позволяет говорить, что подведомственность арбитражных комиссий была ограничена двумя

---

³⁸ Для более отчетливого понимания места арбитражных комиссий как юрисдикционного органа заметим, что с течением времени в ведение народных судов были переданы а) споры между государственными учреждениями и предприятиями одного и того же ведомства в том случае, если обе спорящие стороны состояли на общегосударственном бюджете, а также в иных случаях, когда действующими законами было предусмотрено рассмотрение споров внутриведомственным порядком; б) споры, возникавшие по операциям Государственного Банка и Главного Правления государственного страхования, в случаях, когда Государственный Банк или Главное Правление государственного страхования являлись истцом или ответчиком; в) споры, вытекавшие из договоров железнодорожной перевозки, регулируемые Уставом железных дорог, а также из договоров о почтовой пересылке, регулируемые особыми правилами об ответственности почтово-телеграфного ведомства за почтовые отправления; г) иски по протестованным векселям, кроме тех случаев, когда против вексельного иска, согласно действующим законам, могли быть приводимы возражения, вытекавшие из сделки, послужившей основанием к выдаче или передаче векселей; д) иски, вытекавшие из договоров общеустановленного типа о пользовании коммунальными услугами, а именно: телефоном, электрическим освещением и водопроводом, а равно и помещениями; е) споры, возникавшие по поводу обложения налогами и повинностями всякого рода, как общегосударственными, так и местными, а также споры с финансовыми органами по исполнению бюджета (см., например: СУ РСФСР. 1924. № 62. Ст. 618).

критериями: 1) субъектным составом спора, который включал исключительно государственные организации в лице государственных предприятий и учреждений; 2) содержанием спора, носившем имущественный характер, поскольку включал различные денежные требования, а также требования, касающиеся какого-либо имущества, в том числе и имущественных прав. Все это дает основание сделать вывод, что арбитражным комиссиям были подведомственны споры, возникавшие в государственном секторе экономики. Перед членами арбитражных комиссий стояла задача не только установить правовые отношения между сторонами, важно было обеспечить соблюдение плана, не допустить ослабления экономического положения государственных предприятий и т.п. Косвенным подтверждением этому выводу могут служить данные о категориях дел, поступивших в первые месяцы в ВАК. По ее же сведениям 30% дел представляли собой административные споры, посредством которой корректировалась в первую очередь управленческая деятельность государственных организаций³⁹.

Такого рода ожидания позволяют понять упоминавшиеся выше широкие полномочия арбитражных комиссий в части исполнения решений. Последние, вне всякого сомнения, предоставляли арбитражным комиссиям в сравнении с судами, большую свободу маневрирования. Члены арбитражных комиссий в начале своей деятельности прямо указывали, что они «призваны руководствоваться не только законами, но хозяйственными соображениями, дабы ограничить стороны от экономических потрясений»⁴⁰. Было даже введено в оборот понятие «хозяйственной целесообразности», которое работники арбитражных комиссий в какой-то степени противопоставляли революционной целесообразности и тем самым обосновывали наличие объективных причин своего самостоятельного существования.

При этом отчетливо просматривается стремление не допустить расширительного толкования арбитражной подведомственности. НКЮ с самого начала занял твердую позицию, направленную на ограничение компетенции комиссий только такими имущественными спорами, которые, как писал один из рупоров ведомства А. Лисицын, «вытекают из хозяйственно-экономических функций и связанных с ними взаимных расчетов государственных учреждений и предприятий в области торговли и промышленности»⁴¹. Все остальные споры, как считал НКЮ, должны быть подсудны народным судам. Такой же позиции придерживался Верховный Суд РСФСР, которому в начале 1923 г. пришлось высказаться о критериях разграничения подведомственности в споре двух государственных учреждений о праве собственности на украденную лошадь. Одно из них требовало передачи дела в областную арбитражную комиссию, но Верховный суд оставил решение губернского суда в силе и указал, что в

---

³⁹ См.: ЕСЮ. 1923. № 16. С. 363.

⁴⁰ Цит. по: Бранденбургский Я. Арбитражные комиссии // ЕСЮ. 1923. № 16. С. 362.

⁴¹ Лисицын А. Суд и арбитражные комиссии // ЕСЮ. 1923. № 12. С. 266.

подобном случае спор не вытекает из «основных функций обоих учреждений и дело ближе и целесообразнее было разрешить губсуду, а не пререкаться о подсудности»⁴².

Компетенция разных арбитражных комиссий разграничивалась в зависимости от подчиненности государственных организаций, их местонахождения и др. Так, ВАК выступала в нескольких ролях. Во-первых, она в качестве первой инстанции разрешала споры, в которых одной из сторон являлось центральное учреждение, а также споры между учреждениями или предприятиями различных губерний, если эти губернии не входили в состав одной автономной республики или области. Во-вторых, согласно ст. 18 и 22 Положения 1922 г. ВАК выступала проверочной инстанцией по отношению к местным арбитражным комиссиям, рассматривая жалобы на их решения или осуществляя пересмотр дел, разрешенных местными арбитражными комиссиями. В-третьих, ВАК осуществляла функции, сходные с судебным управлением. В частности, на нее возлагалась обязанность разрабатывать подробные правила о производстве дел в арбитражных комиссиях, устанавливать размеры судебных пошлин и сборов, которые подлежали утверждению СТО, и доводить их до сведения нижестоящих комиссий в виде циркуляров.

Все остальные споры рассматривали местные арбитражные комиссии.

Подход к определению подведомственности арбитражных комиссий, заложенный в Положении 1922 г. и Правилах 1923 г., имел недостаток, который не преминул сразу же сказаться. НКЮ, как только началась борьба за слияние арбитражных комиссий и народных судов, постоянно обращал внимание на сигналы с мест, в которых звучали призывы изъять из ведения комиссий малоценные дела, в которых «принадлежность спорящих сторон к госорганам не имеет значения, либо по их малому значению, либо по свойству дел, требующих скорейшей ликвидации»⁴³. Речь идет о малозначимых спорах, ради которых государственным организациям приходилось нести значительные временные и материальные затраты в силу территориальной удаленности областных (районных) арбитражных комиссий.

Порядок рассмотрения споров в арбитражных комиссиях

С учетом особенностей функционального предназначения арбитражных комиссий требовалось урегулировать порядок их деятельности, в специфическом характере которого никто не сомневался. Правда, в силу того, что правила ведения дел в арбитражных комиссиях разрабатывались с участием работников НКЮ, привлеченных на основании прямого поручения СТО, «чего-нибудь несовместимого с общим судопроизводством – как отмечал Я. Бранденбургский – осталось крайне мало, и если и есть что-либо существенное, то исключительно в порядке исполнения решений

---

⁴² Там же. С. 266.

⁴³ ЕСЮ. 1923. № 16. С. 363.

арбитражных комиссий»⁴⁴. Объяснение этому обстоятельству следует искать вероятно в том, что параллельно шла подготовка Гражданско-процессуального кодекса и авторы Положения 1922 г. не видели проблем во включении в акты, регламентирующие деятельность арбитражных комиссий, приемлемые для них судебные процессуальные институты, указывая, что производство в комиссиях происходит применительно к правилам производства дел в общих судах с теми изъятиями, которые обусловлены особенностями подведомственных дел.

Исходя из этого, становится понятным, почему споры в арбитражных комиссиях разбирались в порядке, сходном с правилами гражданского судопроизводства. Любопытно, что Положение 1922 г., равно как и Правила 1923 г., допускали применение начал состязательного процесса, и это несмотря на отрицательное отношение к буржуазным принципам судопроизводства и явно прослеживаемой заинтересованности со стороны государства в хозяйственных спорах, которая обычно влечет за собой ограничение состязательности.

Тем не менее, уже начальной стадии производства по делу в местной арбитражной комиссии прослеживается проявление принципа состязательности, каковым является применение правила «нет дела без истца». Производство начиналось с предъявления искового заявления, обязательно в письменной форме, учреждением или предприятием, считавшего свои права нарушенными. Как видим, органы управления экономикой, те же экономические совещания не могли непосредственно инициировать разбирательство. Допускалось ведение дела через представителя, в роли которых могли выступать как сотрудники предприятий и учреждений, так и лица, имевшие право ведения чужих дел в общих судах, что, кстати, привело к активному участию в процессах профессиональных юристов⁴⁵.

Стороны в обязательном порядке вызывались к слушанию дела, хотя их неявка не останавливала разбирательство, но арбитражная комиссия могла признать явку обязательной. Еще одним проявлением состязательности можно считать подход, согласно которому истец был обязан доказать свой иск, а ответчик – свои возражения. Но в полной мере принцип рассмотрения дела в пределах доказательств, представленными сторонами, не получил воплощения: арбитражная комиссия при необходимости по своей инициативе могла собирать доказательства. Положение 1922 г. не устанавливало правила сбора и оценки доказательств, эти действия рассматривались как сфера исключительного усмотрения арбитражной комиссии.

Правда, как показывает практика, ВАК в этом вопросе стала придерживаться несколько иного подхода, чем Верховный Суд, и не стремилась по своей инициативе собирать доказательства. Мотивировочная часть ее актов часто содержала указания на «непредоставление стороной

---

⁴⁴ Бранденбургский Я. Арбитражные комиссии. С. 362.

⁴⁵ См.: Лисицын А. Суд и арбитражные комиссии // ЕСЮ. 1923. № 12. С. 266.

данных, которые могли бы служить доказательствами», ссылки на тот факт, что «сторона не доказала» те или иные обстоятельства и т.п.⁴⁶ Такие действия арбитражных комиссий, при всей их обоснованности, поскольку ст. 8 Положения 1922 г. допускала активность и инициативу суда скорее как исключение, вызывали негативную реакцию у ряда современников, поскольку воспринималась как шаг назад, противоречащий основным началам советского права⁴⁷. Иллюстрацией подходов ВАК, которые вызывали упреки, может служить спор Мельстроя с Саратовским губпродкомом, в котором ВАК ограничился признанием предоставленных ответчиком документов недостаточным доказательством и не стал самостоятельно выяснять значимые для дела обстоятельства. Более того, Комиссия в своем решении закрепила позицию, согласно которой, если стороной была допущена неосмотрительность при совершении договора, то все невыгодные последствия должна нести сторона, не озаботившаяся обеспечением своих интересов»⁴⁸.

Следование принципу «*vigilantibus jura sunt scripta*» (законы написаны для бодрствующих) трактовалось как формальный подход, которому противопоставлялся подход Верховного Суда, допускавшего отмену решения нижестоящих судов, несмотря на то, что сторона пропустила срок на обжалование⁴⁹. Справедливости ради следует заметить, что перед арбитражными комиссиями ставились задачи не только разрешения споров, им приходилось внедрять в сознание руководителей организаций элементарные представления о хозяйственной деятельности, что было трудно без применения формализма. Отсюда и та странность, которую отмечали современники: во всем мире формализм общих судов детерминировал введение специальных торговых судов, в Советской России органы

---

⁴⁶ См.: Решения Высшей арбитражной комиссии при СТО. Выпуск 1, с 4 декабря 1922 г. по 1 февраля 1923 г. М., 1923. Для сравнения можно привести определения Верховного суда, в которых народные суды ориентированы на обязанность «всесторонне и внимательно выяснить дело, отыскать и выявить все моменты, защищающие интересы государства и трудящихся, и только тогда выносить решения» (ЕСЮ. 1923. № 13). При этом суды не должны были ограничиваться анализом «формальных соображений», их обязанностью являлось исследование всех обстоятельств дела, исполнению которой совершенно не мешало непредоставление стороной доказательств (ЕСЮ. 1923. № 14).

⁴⁷ См., например: Прущицкий С. Об арбитражных комиссиях при СТО // ЕСЮ. 1922. № 35. С. 2; Он же. Высшая Арбитражная Комиссия в своих решениях // ЕСЮ. 1923. № 18. С. 411.

⁴⁸ См.: Решения Высшей арбитражной комиссии при СТО. Выпуск 1. С. 37-43.

⁴⁹ См.: ЕСЮ. 1923. № 18. С. 412. Любопытно дело, в котором бондарный трест предъявил иск о признании договора, заключенного бондарно-механическим заводом, недействительным в виду его явной убыточности. Истец доказывал, что договор был заключен в условиях «интеллектуального неравенства представителей сторон». ВАК нашла, что неопытность в коммерческих делах не может быть подведена под «заблуждение», дающее основание для расторжения договора (см.: Решения Высшей арбитражной комиссии при СТО. Выпуск 1, с 4 декабря 1922 г. по 1 февраля 1923 г. М., 1923. С. 123-135).

экономической юрисдикции отличались формальным подходом, не свойственным народным судам⁵⁰. В некоторой степени об этом свидетельствует и категории споров, чаще всего рассматриваемые в арбитражных комиссиях. Главным образом это были дела о превышении полномочий участников гражданско-правовых отношений, отсутствием хозяйственной дисциплины⁵¹.

Допускалось вступление в дело третьих лиц с самостоятельными требованиями, но с разрешения арбитражной комиссии, выраженного в виде отдельного постановления. Решения арбитражной комиссии принимались большинством голосов. Предусматривалось, что в случае равенства голосов голос председательствующего имел перевес.

Положение 1922 г. заложило параметры, которые служили для членов арбитражных комиссий основой для постановки своего окончательного решения. Во-первых, устанавливался четкий круг источников права, которыми следовало руководствоваться комиссиям: «действующие законы» и «законные распоряжения властей». В этом следует видеть применение уже господствовавшего подхода, направленного на признание доминирующего положения позитивного права. Обращает на себя внимание умолчание закона о возможности членов арбитражных комиссий в случае неполноты законодательства руководствоваться социалистическим правосознанием, как это имело место в Положении о народном суде⁵². Хотя, как уже отмечалось выше, арбитражные комиссии с успехом стали оперировать понятием хозяйственной целесообразности и, если того требовали общегосударственные интересы, проводили их через институты отсрочки или рассрочки исполнения, а в исключительных случаях могли допустить замену предмета исполнения другим предметом или денежным эквивалентом, а также полностью или частично освободить должника от обязательства или ответственности.

Во-вторых, решение должно было объявляться в том же заседании, в котором дело слушалось по существу. Анализ нормы ст. 15 Положения 1922 г. дает основание говорить, что в обязательном порядке полагалось подготовить мотивированное решение, но комиссиям разрешалось ограничиться объявлением резолютивной части. Это допускалось в случаях, когда мотивировочная часть решения была объемной и сложной и «не могла быть изложена письменно одновременно с постановлением решения». В таких ситуациях комиссии предоставлялось семь дней после объявления

---

⁵⁰ См.: Прущицкий С. Высшая Арбитражная Комиссия в своих решениях // ЕСЮ. 1923. № 18. С. 412.

⁵¹ См, например: Решения Высшей арбитражной комиссии при СТО. Выпуск 1, С 4 декабря 1922 г. по 1 февраля 1923 г. М., 1923; Решения Высшей арбитражной комиссии при СТО. Выпуск 2, с 1 февраля по 1 мая 1923 г. Б/м, 1923.

⁵² Декрет ВЦИК от 21.10.1920 «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

резюлютивной части для изготовления решения в полном объеме, приобщению к делу и сообщения в письменной форме сторонам. По общему правилу в мотивировочной части решения указывались установленные обстоятельства дела, доказательства, на которых были основаны выводы комиссии об обстоятельствах дела, мотивы, по которым она отвергла или приняла те или иные доводы сторон, законы и иные правовые акты, которыми руководствовались члены комиссии при принятии решения.

В-третьих, согласно ст. 14 Положения 1922 г. в решении полагалось указывать конкретный способ исполнения или дать общие указания относительно способа исполнения. Наличие данного требования увязывалось со специальной оговоркой, что «решения арбитражных комиссий имеют силу судебных решений», которая имела в ст. 12 рассматриваемого акта. Любопытно, что ст. 14 вместо арбитражной комиссии говорит о суде: «В решении суд указывает конкретный способ исполнения или дает общие указания относительно способа исполнения». Перед нами очередной пример двойственности статуса арбитражных комиссий: с одной стороны, очевидно, желание создать механизм разрешения хозяйственных споров, аналогичного судебному, отражением чего выступали использование и процессуальных правил, сходных с судебными, и терминологии⁵³, а с другой, чувствуется некая дополнительность работы комиссий основному порядку управления экономикой. В противном случае непонятно, зачем включать в ст. 12 упомянутую оговорку.

Считаем уместным остановиться на таком элементе состязательности, как необходимости присуждения не больше того, о чем просят стороны. В Положении 1922 г. и Правилах 1923 г. не прослеживается ясного указания на последовательное применение указанного элемента, что являлось отражением господствующего мнения о нежелательности установления барьеров на пути применения целесообразности, а через это – управляемости правоприменительной практикой⁵⁴. В этом можно видеть косвенное свидетельство вспомогательного значения советских арбитражных комиссий,

---

⁵³ Отражением стали нормы ст. 2 Положения о народном суде от 31 октября 1922 г., которые установили, что для рассмотрения дел специальных категорий, ввиду особой сложности таковых дел, необходимости специальных знаний и навыков для их рассмотрения и по соображениям особой опасности отдельных категорий преступных деяний для военной мощи республики или его хозяйственного преуспевания, - наряду с единой системой народных судов РСФСР, временно действуют следующие специальные суды: а) по делам о преступлениях, угрожающих крепости и мощи красной армии, - военные трибуналы, б) по делам об особо важных преступлениях, угрожающих транспорту, - военно-транспортные трибуналы, в) по делам о преступлениях по нарушению Кодекса законов о труде - особые трудовые сессии народных судов, г) по делам земельным - земельные комиссии и д) по делам о спорах об имущественных правах между государственными органами - состоящие при Совете Труда и Обороне и губернских экономических совещаниях центральная и местные арбитражные комиссии. Порядок организации и деятельности этих судов определены в разделе IV, гл. XII настоящего Положения (см.: СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407).

⁵⁴ См.: Прущицкий С. Указ. соч. С. 3.

созданных при органах управления народным хозяйством для решения специальных задач. Ведь нормативные правовые акты не обрисовали формат взаимоотношений арбитражных комиссий с теми органами, при которых они состояли. Можно только догадываться, что реформаторы рассчитывали на достаточность норм об обжаловании и опротестовании решений арбитражных комиссий и это отчасти доказывает сложность порядка обжалования, в котором прослеживается попытка предусмотреть все возможные случаи несогласия с арбитражным актом и адекватные им способы преодоления позиции комиссии.

Уже Положение 1922 г. различало решения окончательные и обжалуемые, что понималось в тот период как средство сокращения числа судебных инстанций, практики обжалования, следовательно, способствовало быстрому рассмотрению споров. Окончательные решения арбитражные комиссии выносили по делам, по которым цена иска не превышала 5 млн. руб. и они вступали в законную силу через три дня после приобщения к делу мотивированного решения. Все остальные решения местных арбитражных комиссий могли быть обжалованы сторонами в Высшую Арбитражную Комиссию в течение 14 дней со дня приобщения к делу мотивированного решения. Необжалованное решение вступало в законную силу по истечении срока на обжалование.

Решения арбитражных комиссий, вступивших в законную силу и неисполненные сторонами добровольно, подлежали принудительному исполнению. В решении суд указывал конкретный способ исполнения или давал общие указания относительно способа исполнения. Арбитражные комиссии самостоятельно выдавали листы (приказы) на свои собственные решения. При постановлении решения арбитражная комиссия могла отсрочить или рассрочить исполнение, заменить предмет исполнения другим предметом или в исключительных случаях денежным эквивалентом, полностью или частично освободить должника от обязательства или ответственности. Уже выше отмечалось, что перечисленные полномочия предоставляли арбитражным комиссиям большие возможности для влияния на состояние дел у участников гражданского оборота, что давало основание современникам рассматривать их как «границу, отделяющую суд от арбитражных комиссий»⁵⁵.

Практика первых месяцев имеет примеры применения ст. 13. Например, ВАК в решении по иску «ЦУГАЗа» с заводом «Цепь» признала заключенный договор, несмотря на его явную убыточность, имеющим силу и обязательным для сторон, но в виду тяжелого материального положения завода освободила его от исполнения обязательства⁵⁶. Но как показывают решения ВАК, они были в большинстве случаев основаны на «законе и

---

⁵⁵ Прушицкий С. Высшая Арбитражная Комиссия в своих решениях // ЕСЮ. 1923. № 18. С. 410.

⁵⁶ См.: Решения Высшей арбитражной комиссии при СТО. Выпуск 1, с 4 декабря 1922 г. по 1 февраля 1923 г. М., 1923. С. 14-28.

законных распоряжениях властей»⁵⁷. Из 24 решений только в пяти случаях можно усмотреть применение ст. 13⁵⁸.

Контроль за решениями арбитражных комиссий

Постановления арбитражных комиссий должны были быть законными и обоснованными. В целях обеспечения данного требования Положение 1922 г. предусматривало механизм проверки актов комиссий и формирования единства правоприменительной практики. Исторически способы проверки (обжалования) судебных актов разделяются на обычные и чрезвычайные⁵⁹. Критерием, позволяющим их различать является статус судебного акта – вступивший или не вступивший в законную силу. Обычным способом проверки признавался в случае обжалования судебного решения, не вступившего в законную силу. Проверка вступившего в законную силу судебного акта всегда рассматривалась как чрезвычайный способ обжалования⁶⁰. Чрезвычайные способы проверки судебных актов подразделяются в свою очередь на кассацию и ревизию. Их различие состояло в том, что при кассации проверка судебного постановления осуществлялась в пределах жалобы, и в случае признания не имеющим законной силы оно могло быть только отменено с направлением дела в суд низшей инстанции для нового рассмотрения⁶¹. При ревизии незаконные судебные акты могли быть не только отменены с направлением дела на новое рассмотрение в суд низшей инстанции, но и исправлены самим судом, осуществляющим проверку. Ревизионный суд не был связан доводами сторон и мог по своей инициативе отменить решение при наличии таких нарушений закона, на которые стороны не жаловались⁶².

---

⁵⁷ Прушицкий С. Указ. соч. С. 411.

⁵⁸ См.: Решения Высшей арбитражной комиссии при СТО. Выпуск 1, с 4 декабря 1922 г. по 1 февраля 1923 г. М., 1923.

⁵⁹ Кейлин А.Д. Судостроительство и гражданский процесс капиталистических государств. Ч. 2. М., 1958. С. 256, 257.

⁶⁰ Борисова Е.А. Производство по проверке судебных постановлений в порядке надзора в гражданском и арбитражном процессах // Законодательство. 2003. N 9. С. 74; Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль, 1912. С. 232.

⁶¹ Согласно концентрированному выражению И.Е. Энгельмана «по началу кассации... кассационный суд не вправе входить в рассмотрение существа дела, но может лишь отменить судебное решение, постановленное в явное нарушение закона или содержащее в себе неправильное применение последнего. Кассационный суд должен рассмотреть вопрос о законности данного решения; он дает тяжущимся возможность достигнуть исправления допущенных судом ошибок в применении или толковании закона и поддерживает единство и постоянство судебной практики, не имея характера третьей инстанции, так как не входит в рассмотрение дела по существу, а, по отмене незаконного решения, возвращает дело суду низшей инстанции для постановления нового решения на законном основании» (Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев, 1912. С. 398).

⁶² Для ревизионного способа проверки характерно «...смотря по характеру нарушения закона, в окончательном решении допускается или исправление его по началам апелляции, или отмена решения. Основная мысль, на которой зиждется ревизия, та, что не

Детальный анализ норм Положения 1922 г. дает основание говорить о достаточно широких возможностях обжалования решений арбитражной комиссии, которые можно свести к нескольким вариантам. Первый – обжалование участниками разбирательства. В этом случае подача жалобы осуществлялась в 14-дневный срок через местную арбитражную комиссию, постановившую обжалуемое решение, которая обязана была не позднее чем через семь дней, направить дело со своим заключением в ВАК. подача жалобы приостанавливала исполнение, но комиссия могла в случае необходимости, по ходатайству истца, допустить предварительное исполнение, если таковое не было опротестовано областным экономическим совещанием в трехдневный срок. Второй вариант – опротестование областным экономическим совещанием, которому предоставлялось право в порядке надзора приостановить решение местной арбитражной комиссии и передать его на пересмотр ВАК. Совещание могло поступить таким образом применительно к любому решению комиссии, не вступившему в законную силу и независимо от цены иска. Третий вариант – пересмотр ВАК решения местной арбитражной комиссии по предложению СТО. При этом не имел значения факт вступления решения в законную силу.

Как видим, законодательство знало как обычные, так и чрезвычайные способы проверки актов местных арбитражных комиссий. ВАК, выступая второй инстанцией по отношению к местным арбитражным комиссиям, о чем прямо указывалось в ст. 22 Положения 1922 г., по итогам рассмотрения жалобы, протеста или предложения могла отменить или изменить решение арбитражной комиссии. Допускалась передача дела на новое рассмотрение. Это осуществлялось при наличии двух условий: 1) местной комиссией не были установлены фактические обстоятельства, которые ВАК признавал существенными для дела; 2) указанные обстоятельства не могли быть непосредственно установлены ВАК. Надо полагать, доминировавший в рассматриваемое время подход, что суду, вынесшему решение, будет трудно его пересматривать, заставило законодателя предусмотреть правило, согласно которому на новое рассмотрение дело передавалось обязательно в другую местную арбитражную комиссию, при этом указания ВАК носили обязательный характер. По общему правилу решения Высшей Арбитражной Комиссии в качестве второй инстанции были окончательными, но СТО в порядке надзора мог их изменить, либо передать на новое рассмотрение.

С учетом всего изложенного выше можно констатировать, что определенная Положением 1922 г. проверка судебных актов арбитражных комиссий сочетала признаки как кассационного, так и ревизионного порядков. Представляется, что проверочные процедуры являлись в большей

только производство дела в первых инстанциях, но и исправление незаконностей в окончательных решениях должно быть основано на процессуальных началах, и при этом достигается сокращение делопроизводства, так как во многих случаях решение постановляется ревизионным судом без нового производства дела в низшей инстанции» (Энгельман И.Е. Указ. соч. С. 399).

степени именно ревизионной проверкой вступивших в законную силу судебных актов. На это указывает, во-первых, отсутствие каких-либо норм, которые ограничивали бы возможности ВАК выйти за пределы, обозначенные заявителем жалобы, и, во-вторых, право ВАК принять от своего имени новый судебный акт по существу спора, не передавая дело на новое рассмотрение. Обратим внимание, на наличие надзорного порядка проверки актов арбитражных комиссий. В отечественной юридической науке судебный надзор традиционно понимается как функция судебного управления, связанная с контролем вышестоящих судов за судебной деятельностью нижестоящих судов, которая вытекала не из права стороны жаловаться на неправильное, по ее мнению, решение, а из обязанности высших судебных органов наблюдать, чтобы каждое судебное решение соответствовало закону и интересам государства⁶³. Любопытно, что прослеживается система двойного надзора, поскольку в качестве надзорной инстанции выступала как сама ВАК, так и СТО – высший орган хозяйственного управления, что, конечно, не могло не сказаться на методах проверки судебных решений и ее процедуру.

Правовая природа советских арбитражных комиссий

К настоящему времени в юридической литературе высказаны различные точки зрения по поводу природы арбитража, которые условно можно свести к трем основным подходам: 1) арбитражные комиссии являлись гражданскими судами специальной компетенции; 2) арбитражные комиссии – это административные органы, выполнявшие функцию государственного управления; 3) арбитражные комиссии – это органы, имевшие сложную природу, отражающую в себе одновременно судебные и административные функции.

Сторонники первого подхода дали о себе знать практически сразу после создания арбитражных комиссий. Их состав включал в первую очередь большинство членов арбитражных комиссий и юристов, ведших дела в

---

⁶³ См.: Банченко-Любимова К.С. Пересмотр судебных решений, вошедших в законную силу, в порядке надзора. М., 1959. С. 60; Гродзинский М.М., Чапурский В.П. Кассационное и надзорное производство по уголовным и гражданским делам. М., 1945. С. 44; Полянский Н. Надзор за судебными установлениями // Право и жизнь. 1924. № 3-4. С. 79.

комиссиях, сотрудников экономических совещаний⁶⁴. Их аргументы можно свести к двум основным тезисам. Первый был связан с управленческой целесообразностью. Отношения хозяйственных организаций в 1922-1923 гг. часто определялись как хаос и участие самих хозяйственников в разрешении имущественных споров позволяло «устанавливать свои хозяйственные правила и обычаи» и таким образом «создавать хотя бы приблизительный порядок»⁶⁵. Достижение обозначенной цели было затруднительно, во-первых, без участия в разрешении споров представителей государственных учреждений и предприятий, которые должны выступать в роли «хозяев дела», а не в качестве «сведующих лиц»⁶⁶; во-вторых, в отсутствии тесной связи с экономическими совещаниями, в координации с которыми достигалось понимание текущего экономического положения конкретного участника гражданского оборота, благодаря чему частный экономический случай вписывался в общий контекст регионального или общегосударственного масштаба и появлялась возможность принять решение законное, а иногда, как показывает практика, только целесообразное. Сторонники самостоятельности арбитражных комиссий рассматривали их как учреждение, целиком проникнутое интересами

---

⁶⁴ См., например: Лебедев П. Тоже об арбитражных комиссиях // ЕСЮ. 1923. № 19. С. 434-435; Абрамов С. Еще раз об арбитражных комиссиях // ЕСЮ. 1929. № 25. С. 1055-1057; Революция права. 1928. № 6. С. 18-32. Справедливости ради следует сказать, что отдельные региональные экономические совещания выступили за ликвидацию арбитражных комиссий. Так, в апреле 1923 г. Президиум Вологодского губернского экономического совещания принял резолюцию в которой в частности говорилось: «Принимая во внимание, что арбитражные комиссии были образованы для рассмотрения имущественных споров между государственными учреждениями в сентябре месяце 1922 г., т.е. до реорганизации судебных мест согласно Положения о судеустройстве, что с момента организации губсуда, имеющего надзор за всеми действующими на территории губернии судами, в том числе и арбитражными комиссиями (ст. 4 Положения о судеустройстве), существование арбитражных комиссий, совершенно обособленных от общих судебных установлений Республики, но все же им поднадзорных, безусловно излишне, т.к. имущественные споры между госучреждениями с успехом могут быть рассматриваемы судами в общем порядке, установленном для разрешения гражданских дел, и лишь в целях наиболее правильного толкования особенностей этих споров при рассмотрении подлежит вызывать в качестве народных заседателей представителей хозорганов, признать существование арбитражных комиссий не вызываемым необходимостью, и всецело присоединиться к проекту НКЮ о слиянии арбитражных комиссий с общими судебными установлениями» (ЕСЮ. 1923. № 23. С. 544). Примерно в том же ключе высказывалось и Вятское губернское экономическое совещание: «Признать, что особое учреждение по разбору споров между госучреждениями и хозорганами в Советской Республике не должно существовать. Все подобные споры могут быть разрешаемы НКЮ, губсудом или Версудом» (ЕСЮ. 1923. № 15. С. 353).

⁶⁵ Лебедев П. Указ. соч. С. 434.

⁶⁶ Там же.

хозяйства, умеющее разбираться во всех его явлениях, способное в нужных случаях отступить от далеко несовершенных законов, проверять их на практике. В этом видел, например, председатель ВАК П.А. Лебедев и различия между революционной и хозяйственной целесообразностью, что тоже, по его мнению, препятствовало объединению комиссий и народных судов⁶⁷.

Второй основной тезис базировался на формально-юридическом анализе действовавшего законодательства, которое позволяло утверждать, что арбитражные комиссии включались непосредственно в судебную систему и на их деятельность по рассмотрению споров распространялись нормы гражданского процессуального права. Стремление приравнять их к судебным органам имело под собой основания⁶⁸. Положение 1922 г. при всей лаконичности правового регулирования стремилось максимально интегрировать в деятельность арбитражных комиссий институты судебного права: искового заявления, представительства, состязательности, третьих лиц и др. За актами арбитражных комиссий признавалась сила судебных решений и проверялись они по процедуре, сходной с проверкой судебных актов. Эта линия прослеживается в актах, регламентировавших судостроительство РСФСР. 31 октября 1922 г. было принято Положение о народном суде⁶⁹, которым предусматривалось создание специальных судов для рассмотрения «дел особых категорий», отличавшихся сложностью, значимостью для государственных и общественных интересов, необходимостью специальных знаний и навыков для их рассмотрения. В списке специальных судов наряду с военными трибуналами, военно-транспортными трибуналами, особыми трудовыми сессиями народных судов, земельными комиссиями фигурировали арбитражные комиссии. Аналогичный подход прослеживается в Положении о судостроительстве РСФСР, введенном в действие Постановлением ВЦИК РСФСР 19 ноября 1926 г.⁷⁰, но принятые ранее Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик⁷¹ не содержали нормы, включающей арбитражные комиссии в судебную систему. В ст. 22 говорилось, что споры между государственными учреждениями и организациями подведомственны арбитражным комиссиям⁷². И такая

---

⁶⁷ Там же. С. 435.

⁶⁸ См., например: Т.Н. Ильина Организация верховного правосудия в РСФСР в 1920-е годы: поиск оптимальной модели // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 2 // <http://ipp.kursksu.ru/pdf/019-006.pdf>

⁶⁹ См.: Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

⁷⁰ См.: Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «Об утверждении Положения о Судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.

⁷¹ См.: СЗ СССР. 1924. № 23. Ст. 203.

⁷² Имущественные споры между государственными учреждениями и предприятиями рассматриваются: а) Высшей Арбитражной Комиссией при Совете Труда и Обороне Союза ССР; б) высшими арбитражными комиссиями при экономических совещаниях союзных республик, арбитражными комиссиями при советах народных комиссаров

формулировка действительно, как указывают исследователи, может рассматриваться исключительно как способ разграничения компетенции судов и арбитражных комиссий⁷³.

Такая же непоследовательность прослеживается и при анализе процессуальных норм, изданных в 1923 г. Правила 1923 г. сохранили подход Положения 1922 г. и распространяли на производство дел в арбитражных комиссиях правила разрешения гражданских дел в общих судах, допуская лишь те исключения, которые были связаны со спецификой подведомственных дел. Возбуждение производства в арбитражной комиссии начиналось с подачи искового заявления как нарочно, так и по почте. Правила подачи вводили требования к форме и содержанию искового заявления. Оно должно было быть письменным и содержать: «а) точное наименование учреждения или предприятия, предъявляющего иск, и учреждения или предприятия, к которому истец обращает свое требование; б) адрес истца и ответчика для посылки повесток; в) в чем именно истец усматривает нарушение его прав ответной стороной; г) определенные требования истца, обращенные к ответчику; д) цену иска (кроме дел, не подлежащих оценке)». К заявлению должны были прилагаться все документы, которыми обосновывались требования. Далее предусматривалась процедура проверки соответствия документов правилам подачи искового заявления, которую осуществлял дежурный ответственный сотрудник арбитражной комиссии. Несоответствие влекло за собой оставление без движения на срок семь дней для исправления нарушений требований. При пропуске указанного срока исковое заявление возвращалось истцу. Любопытно проявление принципа судейского руководства: усмотрев неправильную оценку иска, арбитражная комиссия самостоятельно изменяла цену иска и обязывала истца к доплате в семидневный срок судебной пошлины. По искам, не подлежавшим оценке, арбитражная комиссия определяла цену иска по своему усмотрению в пределах, предусмотренных

автономных республик и местными (областными и губернскими) арбитражными комиссиями, организуемыми при исполнительных комитетах областей и губерний. В своей деятельности арбитражные комиссии руководствуются общими началами советской хозяйственной политики, союзным законодательством и законодательством союзных республик. Положение о Высшей Арбитражной Комиссии при Совете Труда и Обороне Союза ССР издается в порядке общесоюзного законодательства. Положения о высших арбитражных комиссиях при экономических совещаниях союзных республик, арбитражных комиссиях при совете народных комиссаров автономных республик и местных арбитражных комиссиях издаются союзными республиками в соответствии с Положением о Высшей Арбитражной Комиссии при Совете Труда и Обороне Союза ССР. Порядок надзора за деятельностью арбитражных комиссий со стороны руководящих судебных учреждений Союза ССР и союзных республик устанавливается по принадлежности: в отношении Высшей Арбитражной Комиссии – Положением о Верховном Суде Союза ССР, в отношении союзных республик – положениями о судостроительстве этих республик.

⁷³ См.: Гребенцов А.М. Развитие хозяйственной юрисдикции в России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001 С. 78.

Правилами 1923 г. и устанавливала семидневный срок для внесения судебной пошлины.

Принятие искового заявления означало: 1) назначение дня судебного заседания («в кратчайший, по возможности, срок») и докладчика (один из членов арбитражной комиссии) по делу; 2) вызов сторон и иных участников разбирательства (свидетелей, экспертов и др.); 3) направление ответчику копий процессуальных документов; 4) запрос докладчиком в случае необходимости дополнительных документов, которые в обязательном порядке сообщались ответчику. По аналогии с гражданско-процессуальными правилами ответчик имел возможность защиты в форме встречного иска, который подавался по общим правилам. Правила 1923 г. допускали принцип состязательности, предусмотрев равный объем прав сторон по представлению объяснений и доказательств. Сама местная комиссия не устранялась от руководства процессом и имела право требовать документы или другие необходимые данные от сторон, третьих лиц или учреждений. Равно как на усмотрении комиссии оставалось удовлетворение различных ходатайств сторон, которым полагалось доказать их существенное значение для рассмотрения дела. В целях процессуальной экономии и эффективного разрешения споров арбитражная комиссия имела право по своему усмотрению объединять дела для совместного рассмотрения. Равным образом она могла, если признает целесообразным, выделить требование в отдельное производство.

Рассмотрение спора по существу начиналось с проверки полномочий сторон и доклада существа спора. Председательствующий и члены арбитражной комиссии предлагали сторонам вопросы, необходимые для выяснения обстоятельств дела. Процедура предполагала прения, по окончании которых, признав установленными все существенные обстоятельства, комиссия в условиях, исключающих присутствие иных лиц, совещалась по делу. Решение принималось большинством голосов, член арбитражной комиссии, оставшийся при особом мнении, делал соответствующую отметку при подписании решения, а затем в трехдневный срок прилагал к делу особое мнение. Решение арбитражной комиссии объявлялось в том же заседании, как и раньше, допускалось изготовление мотивированного решения в семидневный срок. В неизменном виде сохранились принципы и основания, которыми руководствовалась комиссия при постановлении решения.

Новеллы прослеживаются в регулировании исполнения решения арбитражной комиссии. Во-первых, комиссия получила право предложить сторонам высказаться по вопросу о сроке, способе и порядке исполнения решения. Во-вторых, допускалось исполнение самим взыскателем, который мог получить исполнительный лист и приказ арбитражной комиссии о содействии в исполнении этого листа, адресованный всем учреждениям и лицам. Такой приказ не выдавался, когда решение исполнялось через судебного исполнителя. В-третьих, комиссия устанавливала срок для

добровольного исполнения, в случае, если он истекал, а решение не исполнялось, то оно приводилось в исполнение судебным исполнителем. Обратим внимание, комиссия за неисполнение своего решения могла возбудить против должностных лиц обвинение в дисциплинарном или даже уголовном порядке. В-четвертых, арбитражная комиссия могла наблюдать за исполнением своих решений судебными исполнителями. По всей видимости, данное наблюдение (Правила 1923 г. используют именно такой термин, а не контроль) имело целью оперативно разрешать любые возникающие затруднения.

Корректировке подвергся институт обжалования решений местных арбитражных комиссий: появилась частная жалоба, известная гражданско-процессуальному праву. Такого рода жалобу могли подавать только стороны, и только по основаниям, связанным с медленностью, неприятием искового заявления, несогласием с определениями по вопросам об обеспечении иска и о предварительном исполнении решения. Был введен институт пересмотра решения по вновь открывшимся обстоятельствам. Последние должны были быть, во-первых, «существенными для дела», во-вторых, сторона о них не знала и не могла знать во время постановления решения.

ГПК 1923 г. подтвердил универсальность гражданской процессуальной формы и ее пригодность для рассмотрения всех гражданских дел, но, устанавливая обязательность правил ведения гражданского процесса, провел в ст. 1 различия между «учреждениями единой судебной системы РСФСР (Народного Суда, Губернского Суда и Верховного Суда)» и «учреждениями, снабженными судебными функциями на основании особых о них положений»⁷⁴, к которым, надо полагать, были отнесены и арбитражные комиссии⁷⁵.

Изложенный обзор законодательных изменений конца 1922–1924 гг. одновременно указывает, что набирал силу подход, сторонники которого не признавали за арбитражными комиссиями статус судов специальной компетенции. В изучаемый период центром, генерировавшим и теоретические основы, и практические действия, направленные на свертывание системы арбитражных комиссий, стал НКЮ. Истоки такой позиции следует видеть в том, что НКЮ претендовал на роль субъекта, который вносил верное понимание того, что должно быть в указанной области социальной практики, при этом он выступал как активная сила, не отделявшая себя от внешних обстоятельств, но решительно подчинявшая их своей воле. НКЮ ясно транслировал субъектность разработчика и

---

⁷⁴ См.: СУ РСФСР. 1923. № 46-47. Ст. 478.

⁷⁵ Отметим, что в отечественной науке в последующем версия о том, что арбитражные комиссии являлись судами относилась к числу периферийных (см., например: Можейко В.Н. О правовой природе советского государственного арбитража // Советское государство и право. 1947. № 6. С. 37; Олейник Н.Н., Сапранова И.В. Из истории формирования арбитражного правосудия в СССР // Современное общество и право. 2013. № 1. С. 57-62).

реализатора политики в сфере правосудия, основным вектором которой в рассматриваемое время стало реализация принципа единого суда.

Это объясняет, почему НКЮ с начала проведения в жизнь судебной реформы 1922 г. последовательно выступал за пересмотр Положения 1922 г. В начале 1923 г. состоялось заседание коллегии НКЮ, которая признала необходимым включение губернских арбитражных комиссий в состав губернских судов с особыми заседателями из числа хозяйственников. ВАК предполагалось объединить с гражданской коллегией Верховного Суда РСФСР. На основании этого решения был разработан и внесен в СНК проект поправок в Положение о судеустройстве РСФСР от 11 ноября 1922 г., а так же началась подготовка нового Положения о порядке рассмотрения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями⁷⁶. Кстати, ВАК в ответ на эти действия НКЮ уже 5 марта 1923 г. разослал циркулярное предложение всем губернским экономическим совещаниям и арбитражным комиссиям обсудить вопрос о необходимости существования арбитражных комиссий как особых органов для разбора имущественных споров «между госучреждениями и госпредприятиями»⁷⁷. Надо полагать, идея НКЮ не получила поддержки, о чем косвенно свидетельствует тот факт, что на страницах Еженедельника советской юстиции за 1923 г. были упомянуты только два отрицательных ответа из Вятки и Вологды, поданные как «первые ласточки на пути объединения всей судебной работы в органах суда»⁷⁸. Но НКЮ остался непреклонен, и на апрельской коллегии подтвердил февральское постановление о целесообразности объединения арбитражных комиссий с гражданскими отделениями губернских судов и Верховного Суда. Любопытно, что такую же позицию НКЮ занял и в отношении земельных комиссий, но пока объединение считал преждевременным⁷⁹.

Основные аргументы сводились к нецелесообразности существования после реформирования народных судов самостоятельной системы арбитражных комиссий, дублировавшей гражданские отделения губернских судов. Данное положение подавалось как «излишняя роскошь», не соответствовавшая духу времени, ориентированного на упрощение государственного аппарата⁸⁰. Среди современников в то время устойчиво циркулировало и находило своих сторонников мысль, что существующие судебные функции арбитражных комиссий подрывают единство судебной

---

⁷⁶ См.: ЕСЮ. 1923. № 7-8. С. 166.

⁷⁷ См., например: ЕСЮ. 1923. № 15. С. 353.

⁷⁸ ЕСЮ. 1923. № 15. С. 353. Заметим, что позднее этот список дополнили губернские арбитражные комиссии Рязани и Владимира, представители которых на I съезде арбитражных комиссий в январе 1924 г. «выступили за ликвидацию самостоятельного и параллельного органам НКЮ существования арбитражных комиссий» (ЕСЮ. 1924. № 9. С. 209).

⁷⁹ См.: ЕСЮ. 1923. № 16. С. 373.

⁸⁰ Бранденбургский Я. Указ. соч. С. 361.

системы и являются нецелесообразными. По мнению сотрудников НКЮ слабо загруженные гражданские отделения губернских судов вполне могли справиться с рассмотрением имущественных споров государственных учреждений и предприятий. Не видел НКЮ опасности и со стороны готовности судей народных судов рассматривать специфические споры, указывая на тот факт, что первые месяцы работы новых судов и арбитражных комиссий показали близость правоприменительных подходов⁸¹. А недостаток экономических знаний у судей вполне могли компенсировать заседатели из числа хозяйственников.

К понятию «хозяйственной целесообразности», противопоставляемой формальному подходу народных судов, противники арбитражных комиссий относились критично, указывая, что в основе решений судов и комиссий лежат одни и те же законы, а судьи, используя принцип активности суда, вполне могли разобраться с особенностями конкретного спора. Надо признать, что в этой части арбитражники были не совсем последовательны, поскольку, как отмечалось выше, противопоставляя ВАК и его ориентированность на хозяйственную целесообразность и Верховный Суд с его следованием «букве закона», сами они, как писал А. Лисицын «в постановке дела если и отличаются от суда, то скорее в сторону большего юридического подхода и ничем более»⁸². А это давало возможность работникам НКЮ прямо заявлять, что работу комиссий может с успехом выполнять Верховный суд и губернские суды⁸³.

Особое место занимали упреки в адрес арбитражных комиссий в отходе от принципа единообразия в толковании законодательства. Я. Бранденбургский указывал, что «арбитражные комиссии устанавливали своими решениями особую от нашего Верховного Суда практику по гражданским делам»⁸⁴. В этой части центром притяжения критических замечаний стала ВАК, которая, следует заметить, давала для этого повод. Например, выпустив первый сборник своих актов, ВАК адресовала его местным комиссиям в качестве «образцов решений», что было воспринято как претензия на статус альтернативного субъекта установления единообразного толкования норм гражданского права и покушения на полномочия НКЮ⁸⁵.

Конечно, последний крайне агрессивно реагировал на подобные факты, постоянно заявляя, что если два учреждения Верховный Суд и ВАК будут устанавливать единообразное толкование гражданских законов, «то ничего путного, выражаясь мягко, из этого не выйдет»⁸⁶. Тем более, что ВАК как

---

⁸¹ Лисицын А. Суд и арбитражные комиссии. С. 265.

⁸² ЕСЮ. 1923. № 19. С. 435.

⁸³ Лисицын А. Суд и арбитражные комиссии. С. 266.

⁸⁴ Бранденбургский Я. Арбитражные комиссии. С. 361.

⁸⁵ Решения Высшей арбитражной комиссии при СТО. Выпуск 1. С. 2.

⁸⁶ Бранденбургский Я. Указ. соч. С. 362. Любопытно, в Еженедельнике советской юстиции вплоть до весны 1923 г. публиковалась практика ВАК. А как только отношения между НКЮ и ВАК обострились, то это практически сразу прекратилось.

несудебный орган не могла претендовать на паритетность с высшим судебным органом и не располагала необходимыми средствами для того, что «учить применять закон»⁸⁷.

Представители арбитражных комиссий не видели серьезных угроз в сложившемся положении дел, поскольку, как утверждал П. Лебедев, опасения в нарушении единообразного правоприменения, с одной стороны, «крайне преувеличены», а с другой стороны, арбитражные комиссии готовы целиком признать исключительный авторитет в этой области за НКЮ и Верховным Судом⁸⁸. Правда, НКЮ не поддержал неоднократные инициативы со стороны ВАК, направленные на создание механизма предупреждения любых отклонений от единообразия судебной практики⁸⁹. Более того, во-первых, добился от СНК принятия специального постановления, которым оговаривалось отсутствие у арбитражных комиссий полномочий по толкованию законов⁹⁰. Во-вторых, декретом ВЦИК от 1 февраля 1923 г. закрепил за собой наблюдение за организацией и деятельностью арбитражных комиссий⁹¹.

В ходе обмена мнениями сотрудники НКЮ в большинстве случаев не признавали за арбитражными комиссиями статус специального суда, считая их административными органами, так как они формировались и состояли при исполнительно-распорядительных органах государства и были им поднадзорны. Н.В. Крыленко для обоснования указанного мнения использовал формальный критерий: «арбитражные комиссии стоят вне всякой связи с судебными учреждениями Народного Комиссариата Юстиции и прокурорским надзором, а потому претензия первых на то, чтобы их рассматривали как судебные учреждения, неосновательны»⁹². Предоставление комиссиям возможности использовать отдельные институты судебного права рассматривалось лишь средство, облегчающее разрешение имущественных споров⁹³.

Созвучны этому мнению выводы, к которым в процессе анализа истории создания арбитражных комиссий в Советской России пришел А.Ф. Клейнман: согласно Правилам 1923 г. «арбитражные комиссии по характеру своей деятельности приравнивались к судебным органам и, в отличие от общих судов, рассматривались как специальные суды, созданные для разрешения имущественных споров между хозяйственными органами»⁹⁴. Правда, в итоговых положениях он трактовал арбитражные комиссии как специальные органы, созданные для рассмотрения имущественных споров между государственными предприятиями, учреждениями и организациями, а

---

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Лебедев П. То же об арбитражных комиссиях // ЕСЮ. 1923. № 19. С. 435.

⁸⁹ См., например: Лебедев П. ВАК и НКЮ // Экономическая жизнь. 2 декабря 1923. № 44.

⁹⁰ См.: Крыленко Н. Указ. соч. С. 530.

⁹¹ См.: СУ РСФСР. 1923. № 10. Ст. 123.

⁹² Крыленко Н. Указ. соч. С. 529.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Арбитраж в СССР / под ред. Клейнман А.Ф. М., 1960. С. 25.

также между государственными и кооперативными предприятиями и организациями⁹⁵. Что помешало исследователю признать арбитражные комиссии гражданским судом специальной компетенции? Представляется, что осознание разновекторности между институциональной основой арбитражных комиссий, тяготеющей к обычной административной структуре, и их процессуальной основой, которая в большей степени была схожа с гражданским процессом благодаря выборочному заимствованию правовых институтов. Отсюда непоследовательность в оценках правовой природы арбитражных комиссий.

Здесь будет уместно заметить, что после трансформации в 1930-х гг. арбитражных комиссий в институт государственного арбитража превалировало мнение, согласно которому арбитражные комиссии представляли собой административные органы, причем некоторые даже считали, что они носят вспомогательный характер. Типичной можно считать формулировку Г.И. Побирченко, указавшего, что «по идее образования, арбитражные комиссии были вспомогательными административными органами»⁹⁶. Приверженцы данного подхода утверждали, что заимствование арбитражными комиссиями отдельных приемлемых для них традиционно судебных процессуальных институтов не изменяло их сущности вспомогательных административных органов и не превращало их в суды⁹⁷. Система аргументов авторов, отстаивающих административную природу арбитражных комиссий, включала в первую очередь тезис о подчиненности арбитражных комиссий исполнительно-распорядительным органам: арбитражные комиссии состояли при СТО и региональных экономических совещаниях, являвшихся административными органами, которые назначали членов арбитражных комиссий. Последние, таким образом, являлись функциональными подразделениями этих органов⁹⁸.

Анализируя мнения сторонников и противников признания статуса судебного органа за арбитражными комиссиями, не оставляет ощущение, что все они осознавали их специфический характер. В работе арбитражных комиссий с самого начала сочетались признаки, свойственные как деятельности по осуществлению правосудия, так и указывающие на текущее управление конкретным сектором общественной жизни. Комиссии приглашали стороны «в судебное заседание», рассматривали взыскание «судебных издержек» и т.п., а решения могли быть обжалованы исключительно «в кассационном порядке», хотя и в вышестоящий арбитраж. Но при этом современники постоянно отмечали, что практическая

---

⁹⁵ Там же. С. 26-27.

⁹⁶ Побирченко И.Г. Хозяйственные споры и формы их разрешений: автореф. дисс. докт. юрид. наук. Харьков, 1971. С. 22-23; см. также: Гапеев В.Н. Сущность арбитражной формы защиты права: автореф. дисс. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1971. С. 6; Логинов П. В. Сущность государственного арбитража. М., 1968. С. 9.

⁹⁷ См.: Гапеев В.Н. Возникновение и развитие арбитражной формы защиты права // Хозяйственное право и хозяйственный арбитраж. М., 1983. С. 140.

⁹⁸ См.: Гребенцов А.М. Указ. соч. С. 43-51.

деятельность комиссий тяготела к тому, чтобы выйти за пределы компетенции и расширить ее в направлении разрешения чисто планово-регулирующих и организационных вопросов. Например, И. Овсянников и В. Фирсов писали: «В арбитражных комиссиях разрешаются не столько правовые споры... сколько целый ряд весьма запутанных и сложных отношений чисто бухгалтерского плана и технического даже характера, лишь в результате разрешения которых могут возникать те или иные правовые вопросы спорного характера»⁹⁹. В том же ключе высказывался М.С. Липецкер: «по своему организационному построению и месту в системе государственного аппарата органы арбитража могут быть приравнены к административным органам, по содержанию и характеру своей деятельности органы арбитража могут быть приравнены к судебным органам»¹⁰⁰. О двойственности статуса арбитражных комиссий свидетельствует дискуссия, развернувшаяся на I съезде арбитражных комиссий в январе 1924 г. Выступивший заместитель председателя ВАК И.Я. Цейликман в своем докладе о методах работы арбитражных комиссий заметил, что, «учитывая своеобразный подход арбитражных комиссий к рассмотрению ими дел, следовало, может быть назвать их не арбитражными комиссиями, а хозяйственно-административными судами или хозяйственно-административными-конфликтными комитетами»¹⁰¹.

Отмеченная двойственность арбитражных комиссий, по справедливому замечанию некоторых исследователей, была порождением тех сложнейших условиях, в которых они начинали свою деятельность, когда развитие кооперации, аренды, торговли, концессии определили формирование государственного капитализма, когда использование частного капитала осуществлялось под контролем государства. В условиях перехода от революционных методов в осуществлении хозяйственной деятельности к товарно-денежным отношениям при сохранении диктатуры пролетариата в деятельности арбитражных комиссий сохранялось ее влияние. Отсюда складывалась и арбитражная правоприменительная практика, более ориентированная на целесообразность, нежели на законность. Параллельно шли преобразования в управлении экономикой в регионах, в ходе которых арбитражные комиссии интегрировались в большей степени в систему административных органов, что давало им возможность смело «отступать от формальных требований закона, основывая определения на соображениях конкретной хозяйственной целесообразности»¹⁰².

В итоге сформировался взгляд на арбитражные комиссии как некое специфическое учреждение. Суть указанной специфики состояла в том, что с организационной точки зрения перед нами структуры административного

---

⁹⁹ См.: ЕСЮ. 1928. № 42-43. С. 1105.

¹⁰⁰ Липецкер М.С. Арбитраж в системе органов государственного управления // Труды Военно-юридической академии. Вып. VIII. М., 1948. С. 65-76.

¹⁰¹ Экономическая жизнь. 1924. 30 января.

¹⁰² См.: Воронин Д.В. Указ. соч. С. 73-74.

характера, созданные для рассмотрения имущественных споров государственных организаций, т.е. выполнения юрисдикционной функции. А с функциональной стороны прослеживается сходство с судами, поскольку комиссиям в качестве метода были предоставлены возможности использовать отдельные институты гражданского процессуального права.

Действительно, по сравнению с судебной процессуальной формой порядок деятельности арбитражных комиссий был существенно упрощен. Считать это недостатком нельзя, отсутствие достаточного количества процессуальных норм, регламентирующих деятельность комиссий, следует считать не недостатком, а особенностью законодательства. Таким образом обеспечивалась оперативность разрешения хозяйственных споров, полнее учитывались интересы и потребности спорящих сторон в каждом конкретном деле. Недостаточность регламентации имела свои плюсы: арбитражные комиссии могли формулировать процессуальные правила, опираясь на существо материальных правоотношений и в этом случае дискреционные полномочия позволяли более гибко и эффективно разбирать спор. По общему правилу упрощение процедуры влечет за собой уменьшение процессуальных гарантий для сторон разбирательства. Однако применительно к арбитражным комиссиям уменьшение процессуальных гарантий компенсировалось возможностью обжалования.

Но при этом нельзя не признать, что отмеченная специфика процедуры наряду с порядком формирования, тоже препятствовала признанию за государственными арбитражными комиссиями статуса судебных органов. Следование особым, обратим внимание - сложным процедурам, подробно и точно регламентированным законодательным порядком, отличает правосудие, укрепляет его легитимность и убедительность.

Арбитражные комиссии предназначались для защиты экономических интересов государства не только путем разрешения хозяйственных споров, но и одновременно в известной мере осуществляя функции управления. Не исключено, что именно этот взгляд нашел свое отражение в формулировке ст. 1 ГПК 1923 г., противопоставившей «учреждения единой судебной системы» и «учреждения, снабженные судебными функциями»¹⁰³. Попытка совместить правосудие и повседневную управленческую работу, порождает трудности точной квалификации арбитражных комиссий. Ярким отражением сказанного можно считать мнение С. Прушицкого, автора статьи «Арбитражные комиссии» в Энциклопедии государства и права, прямо писавшего, что трудно дать ответ на вопрос, что такое арбитражные комиссии и для чего они существуют¹⁰⁴.

Выводы

---

¹⁰³ См.: СУ РСФСР. 1923. № 46-47. Ст. 478.

¹⁰⁴ См.: Прушицкий С. Арбитражные комиссии // Энциклопедия государства и права. Т. I. М., 1925-1926. С. 156.

1. Переход к НЭПу и введение хозяйственного расчета, являются началом каузальной цепочки, приведшей к созданию арбитражных комиссий. Исследователи уже обращали внимание на двойственность экономической политики¹⁰⁵, особенно, в промышленности: с одной стороны, допущение свободы экономической деятельности, а с другой стороны, необходимость обеспечения приоритета государственных интересов. Относительно слабое развитие договорной системы, недостаточное внимание к хозяйственной и финансовой дисциплине в деятельности предприятий порождало большое количество споров и все это на фоне изменения управленческих подходов, в частности, отказа от жесткого администрирования, свойственного эпохе военного коммунизма. Разрешение споров требовало значительных временных затрат и специфических форм и методов работы, освоение которых оказалось бы чрезвычайно затратно для действовавшей системы управления экономикой. Требовалось создать такой механизм разрешения указанных споров, который помимо устранения разногласий между субъектами экономических отношений одновременно позволит защитить государственные интересы. Был избран подход, согласно которому создавались специальные органы урегулирования хозяйственных споров в государственном секторе экономики, для которых учреждалась специальная арбитражная форма защиты хозяйственных прав.

Возможно, в этом еще стоит видеть и отражение подхода, согласно которому власть стремилась путем формирования специальных органов юрисдикции вывести за пределы обычного порядка разрешения спора дела, представлявшие для нее ценность по политическим, социальным или экономическим причинам. Принимая во внимание, что арбитражным комиссиям было подведомственны споры между государственными предприятиями и учреждениями, указанным путем обеспечивалось недопущение судебного контроля в сферу деятельности самого государства.

2. Компетенция арбитражных комиссий ограничивалась спорами гражданско-правового характера между государственными организациями. Все остальные споры разрешались в судебном порядке. Такое разграничение компетенции стоит рассматривать как отражение отмеченных выше особенностей экономической политики советского государства 1920-х гг., допустившей сосуществование государственного и частного сектора экономики, но при этом стремившегося сохранить в ней командные высоты. Создание государственных арбитражных комиссий ярко иллюстрирует особенности взаимодействия политики и экономики при авторитарном политическом режиме. Речь идет о фактическом приоритете краткосрочных политических задач перед долгосрочными структурными. Для предотвращения острых социально-политических последствий кризиса правительство приняло решения, которые как нам сейчас кажется, не всегда отличались последовательной рациональностью. Фактически здесь политические интересы начинают доминировать над экономическими, то

---

¹⁰⁵ См., например: Гребенцов А.М. Указ. соч. С. 200-210.

есть обеспечение текущей социально-политической стабильности оказалось важнее, чем повышение эффективности.

3. Правовую природу арбитражных комиссий наиболее точно отражала норма ст. 1 ГПК 1923 г., согласно которой они являлись учреждениями, снабженными судебными функциями. Перед нами еще один пример поиска оригинальной модели, который был особенно свойственен первым послереволюционным годам, когда правительство было вынуждено изобретать новые экономические, правовые механизмы, как посредством отказа от апробированных подходов, так и путем комбинирования элементов различных моделей тех или иных институтов, действовавших как в России, так и в других государствах.

На эту особенность указывал еще Л.Д. Троцкий, называя ее «законом комбинированного развития», без которого, как он считал, «нельзя понять истории России, как и всех вообще стран второго, третьего и десятого культурного призыва»¹⁰⁶. Суть этого закона состоит в том, что отсталая страна ассимилирует материальные и идейные завоевания передовых стран. Но это, согласно Л.Д. Троцкому, не значит, что она рабски следует за ними, воспроизводя все этапы их прошлого... Вынужденная тягаться за передовыми странами отсталая страна не соблюдает очередей: привилегия исторической запоздалости – а такая привилегия существует – позволяет или, вернее вынуждает усваивать готовое раньше положенных сроков, перепрыгивая через ряд промежуточных этапов¹⁰⁷.

Любопытно, что эта идея в дальнейшем получила научную разработку. Во второй половине XX в. получила распространение концепция «преимущества отсталости» А. Гершенкрона, допускавшая для некоторых стран возможность воспользоваться технологическими достижениями развитых стран и в результате перескочить определенные этапы развития¹⁰⁸. В любом случае стоит согласиться с той мыслью, что в общественных процессах ни одна модель не функционирует в чистом виде – всегда встречаются смешанные формы. Стоит добавить, что нередко ускоренное развитие в странах не первого эшелона характеризуется разрывом традиции, не свойственным развитым странам.

Несмотря на сходство с судебной системой, особенно в части порядка разрешения споров, стоит согласиться, что арбитражные комиссии являлись скорее юрисдикционными административными органами функционального характера при государственных органах управления народным хозяйством. Арбитражные комиссии путем рассмотрения подведомственных им споров содействовали осуществлению контроля над государственным сектором и соблюдению экономических интересов государства¹⁰⁹. И таким образом

---

¹⁰⁶ Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 35-36.

¹⁰⁷ Там же. С. 34-35.

¹⁰⁸ См.: Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015. С. 59-93.

¹⁰⁹ См.: Гербенцов А.М. Указ. соч. С. 50-51.

способствовали хозяйственным успехам 1920-х гг., выступая правовым фактором, способствовавшим его осуществлению. Такой вывод иллюстрирует еще одну особенность отечественной истории: в России государство играло важнейшую роль, в состоянии компенсировать недостающие предпосылки для модернизации¹¹⁰. Здесь важно иметь в виду обстоятельство следующего плана: в ходе развития природа институтов может за короткое время измениться вплоть до своей противоположности. Вполне допустимо, что при создании арбитражные комиссии рассматривались как суд специальной компетенции, но судебная реформа 1922 г., равно как и политико-экономические интересы повлекли за собой институционализацию комиссий как административной структуры.

Библиографический список

1. Абова Т.Е., Тадевосян В.С. Разрешение хозяйственных споров. М.: Юридическая литература, 1968. – 176 с.
2. Абрамов С. Еще раз об арбитражных комиссиях // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 25. С. 1055-1057.
3. Арбитраж в СССР. Учебное пособие / Аносова С.В., Добровольский А.А., Клейн Н.И., Клейнман А.Ф., и др. / под ред.: Клейнман А.Ф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. – 192 с.
4. Банченко-Любимова К.С. Пересмотр судебных решений, вошедших в законную силу, в порядке надзора. М.: Госюриздат, 1959. – 105 с.
5. Борисова Е.А. Производство по проверке судебных постановлений в порядке надзора в гражданском и арбитражном процессах // Законодательство. 2003. № 9. С. 73-75.
6. Бранденбургский Я. Арбитражные комиссии // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 16. С. 361-364.
7. Вершинин А. П. Упрощение и ускорение советского гражданского процесса: опыт теории и практики (20-е гг.) // Вестник ЛГУ: Серия 6. Право 1988. Вып. 2. С. 60-65.
8. Воронин Д.В. Развитие института государственного арбитража и его влияние на советскую экономику: союзно-республиканский и региональные аспекты: дисс. докт.ист.наук. Кемерово, 2016.
9. Гапеев В.Н. Возникновение и развитие арбитражной формы защиты права // Хозяйственное право и хозяйственный арбитраж. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1983. С. 140-146.
10. Гапеев В.Н. Сущность арбитражной формы защиты права: автореф. дисс канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1971.
11. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 536 с.
12. Гродзинский М.М., Чапурский В.П. Кассационное и надзорное производство по уголовным и гражданским делам. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1945. – 47 с.
13. Ильина Т.Н. Организация верховного правосудия в РСФСР в 1920-е годы: поиск оптимальной модели // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 2 // <http://ipp.kursksu.ru/pdf/019-006.pdf>
14. Кейлин А.Д. Судостроительство и гражданский процесс капиталистических государств. Ч. 2. М.: Внешторгиздат, 1958. – 359 с.
15. Крыленко Н. В. В последний раз об арбитражных комиссиях // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 23. С. 529-531.
16. Лебедев П. Тоже об арбитражных комиссиях // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 19. С. 434-435;
17. Липецкер М.С. Арбитраж в системе органов государственного управления // Труды Военно-юридической академии. Вып. VIII. М.: РИО ВЮА, 1948. С. 65-76.
18. Лисицын А. Суд и арбитражные комиссии // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 12. С. 265-266.
19. Логинов П. В. Сущность государственного арбитража. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 144 с.
20. Петухов Н. Биржевой арбитраж // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 49. С. 1131-1132.
21. Побирченко И.Г. Хозяйственные споры и формы их разрешений: автореф. дисс. докт. юрид. наук. Харьков, 1971.

¹¹⁰ См., например: Гершенкрон А. Указ. соч. С. 121-148, 248-263.

22. Побирченко И.Г. Хозяйственные споры и формы их разрешения: автореф. дисс. докт. юрид. наук. Харьков, 1971.
23. Полянский Н. Надзор за судебными установлениями // Право и жизнь. 1924. № 3-4.
24. Прущицкий С. Об арбитражных комиссиях при СТО // Ежедельник советской юстиции. 1922. № 35. С. 1-3.
25. Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. М.: Терра, 1997. – 464 с.
26. Уразова С.А. Деятельность экономических совещаний Среднего Поволжья в начальный период нэпа // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 3.
27. Шехтер Б. О биржевых арбитражных комиссиях // Ежедельник советской юстиции. 1922. № 42. С. 967-968.
28. Экономическое правосудие. Россия, Вятка, Киров. Киров: Экспресс, 2012. – 280 с.
29. Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль: книгоиздательство И.К. Гассанова, типо-литография Еллия Вахрамеева, 1912. – 326 с.